
ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТАХ
ДРЕВНЕЙ РУСИ И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН
(XII—XIII вв.)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО
В ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТАХ
ДРЕВНЕЙ РУСИ
И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН
(XII—XIII вв.)

Ответственный редактор
Б. Н. Флоря

ББК 63.3(49)=Сл
В 58

Исследование выполнено
в рамках программы фундаментальных исследований Отделения историко-
филологических наук РАН «История, языки и литературы славянских народов
в мировом социокультурном контексте»

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 11-01-16015

В 58 Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и
других славянских стран (XII—XIII вв.) / Отв. ред. Б. Н. Флоря.
— М.: Знак, 2012. — 328 с.: ил.

ISBN 978-5-9551-0517-8

В книге на материале литературных текстов, главным образом историографического и агиографического жанра, созданных в Древней Руси и других славянских странах на переходе от раннего к развитому средневековью, рассматриваются представления о власти и обществе в разных частях славянского мира. Авторы рассматривают этот период как время переосмысления, перестройки традиционных отношений между властью и обществом, в основе которых лежало представление о наследственной передаче власти одними членами правящего рода другим. Выявляются существенные изменения в представлении о характере таких отношений, которые находят свое основное выражение в обосновании необходимости для власти считаться с интересами общества, права общества избирать правителя, соответствующего его пожеланиям, и низлагать его. Показано большое разнообразие конкретных ситуаций – от переплетения новых и старых представлений в одних и тех же текстах до решительной победы одной из двух тенденций.

ББК 63.3

*В оформлении переплета использовано изображение:
св. Симеон Сербский (Стефан Неманя) с сыновьями — архиепископом Саввой и королем
Стефаном Первовенчанным. Фреска церкви Богородица Левшица (нач. 14 в.)*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0517-8

© Авторы, 2012
© Знак, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
<i>Б. Н. Флоря.</i> Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII — начало XIII вв.)	9
<i>С. А. Иванов.</i> Общественная мысль в Болгарии в XI—XIII вв.	95
<i>Б. Н. Флоря, А. А. Турилов.</i> Общественная мысль Сербии конца XII—XIII вв.	125
<i>О. А. Акимова.</i> Представления о власти и обществе в хорватских и далматинских источниках конца XI — середины XIII в.	169
<i>Б. Н. Флоря.</i> Польская общественная мысль на переломе от раннего к развитому Средневековью	231
<i>Г. П. Мельников.</i> Монарх и общество в Чешском государстве XII в. глазами хронистов	277

ВВЕДЕНИЕ

Исследования, предпринимавшиеся учеными разных стран, показали, что к исходу раннего средневековья в жизни славянских народов начались важные изменения социальной и социально-политической организации общества, которые привели позднее к существенной трансформации традиционной модели всего общественного строя. Наиболее значительные перемены произошли в положении социальной элиты общества и были связаны с постепенным превращением дружинников раннего средневековья в феодалов-землевладельцев эпохи развитого средневековья. Приобретая своих подданных и свои источники доходов, эта элита становилась самостоятельной политической силой, уже не во всем зависящей от государственной власти и ее физического воплощения — монарха. У нее появились свои интересы, не только отличные от интересов государственной власти, но и находившиеся с ними в противоречии. Она стремилась к изменению традиционных порядков раннего средневековья, когда сбор и распределение всего общественного продукта находились в руках государственных органов. Притязания части элиты на особое, самостоятельное место в общественной жизни вызывало враждебную реакцию той части господствующего слоя, которая была тесно связана с институтом монархии и ее традиционными функциями. Понятно поэтому, что изменения общественного строя происходили далеко не мирным путем, сопровождались острыми конфликтами между приверженцами старых и новых порядков.

Столкновения на поле брани сопровождались идейной борьбой, которая прекратилась с утверждением в обществе новых представлений о характере отношений между социальной элитой и властью. Итогом этой борьбы стало осмысление общественным сознанием произошедших перемен и выработка соответствующих новым общественным условиям представлений о месте и роли власти в обществе

и о нормах, которые должны определять взаимоотношения власти с новой социальной элитой. Целью данного исследования является установление того, как отражались эти процессы на развитии общественной мысли славянских народов и к каким итогам пришла эта общественная мысль после длительного и интенсивного обсуждения данной темы. Наблюдения и выводы исследователей основываются главным образом на анализе основных видов нарративных источников этого времени — исторических хроник и памятников агиографии.

Исследовательский коллектив поставил своей целью проследить осмысление отношений власти и общества во всем обширном регионе Европы, который занимали славянские народы. Следует учитывать при этом, что в отличие от раннего средневековья историческое развитие региона в эпоху перехода от раннего к развитому средневековью характеризовалось неравномерным темпом социальных перемен и сопутствующих им сдвигов в общественном сознании, что в немалой степени зависело от того, в каких внешних условиях эти процессы протекали. Отношение общества к власти, место власти в реальной жизни и в общественном сознании не могли быть одинаковыми, когда общество развивалось без сильного внешнего давления и когда восстановление и укрепление собственной государственности перед лицом враждебных внешних сил являлось едва ли не главной задачей. Поэтому смена представлений об отношениях общества и власти, о роли власти в жизни общества происходила в разных странах в разные исторические сроки, отсюда — разные хронологические рамки отдельных глав.

Б. Н. Флоря

***ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОТНОШЕНИЯХ
ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА
В ДРЕВНЕЙ РУСИ (XII — НАЧАЛО XIII ВВ.)***

Главным источником, позволяющим судить о том, какие представления о взаимоотношениях власти и общества существовали в домонгольской Руси в период феодальной раздробленности, являются летописи. Исследования древнерусского летописания привели исследователей к важному выводу, что описание событий первой половины XII в. в главных летописных сводах, отразивших традиции домонгольского летописания, Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, отражает, в основных чертах, один и тот же источник — летописание, которое велось в Киеве на протяжении этого периода. Правда, в тексте Лаврентьевской летописи киевский источник читается в обработке, произведенной в Переяславле Залесском, но эта обработка не сопровождалась серьезной переделкой текста, имело место, главным образом, его последовательное сокращение¹.

Изучение этого общего источника Лаврентьевской и Ипатьевской летописей показало, что летописец, как правило, в своей оценке событий отражал точку зрения того князя, который в данный момент

---

¹ *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969. С. 80—99.

правил в Киеве, однако некоторые наблюдения указывают на то, что после прихода к власти его преемника, который придерживался других взглядов, предшествующий текст мог подвергнуться редакторской обработке².

Связь киевского летописания этого времени с каким-либо церковным центром не прослеживается так ясно, как связь сводов конца XI — начала XII вв. с Киево-Печерским монастырем. Отсюда закономерным стало появление гипотез о написании летописи высокопоставленными светскими лицами из княжеского окружения. Так, по мнению Б. А. Рыбакова, составителем обширного повествования киевской летописи о княжении Изяслава Мстиславича был боярин Петр Бориславич³. Эта гипотеза не получила, однако, общего признания и нуждается в дополнительной аргументации. Следует признать, что в тексте киевского летописания закономерно искать отражение взглядов прежде всего княжеских заказчиков. Вопрос о том, отразились ли в этих известиях интересы каких-либо иных общественных кругов, трудно поддается общему решению и будет рассматриваться в связи с анализом отдельных свидетельств.

Вместе с тем сопоставление Лаврентьевской и Ипатьевской летописей позволило установить, что в тексте последней наряду с киевским летописанием при изложении событий 1146—1155 гг. использован иной источник — летопись, которая велась при дворе одного из черниговских князей, Святослава Ольговича⁴. Поскольку Святослав Ольгович принадлежал к числу противников киевского князя Изяслава Мстиславича, в этих текстах в ряде случаев присутствуют описания тех же событий, что и в киевской летописи, но с иными оценками. Очевидна тесная связь и этого источника с княжеским двором.

Во второй половине XII в. мы имеем дело с несколько иным набором текстов. С этого времени (точнее с 1157 г.) можно говорить

---

² Примером могут служить помещенные под 6647 г. критические высказывания в адрес киевского князя Всеволода Ольговича, внесенные в летопись, видимо, при его преемнике Изяславе Мстиславиче. — *Насонов А. Н.* История... С. 89—90.

³ *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 277 и след.

⁴ *Насонов А. Н.* История... С. 101 и след.

о самостоятельной традиции владими́ро-суздальского летописания. Как показано в работах целого ряда исследователей (начиная с А. А. Шахматова), ранняя редакция летописных записей времени Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо отразилась в тексте Лаврентьевской летописи за XII — начало XIII вв. Более поздняя, времени княжения Всеволода редакция нашла свое отражение в текстах Радзивилловской и Московско-Академической летописей и Летописца Переяславля Суздальского, одна из этих более поздних редакций большими фрагментами оказалась включена в повествование Ипатьевской летописи за вторую половину XII века.

Очевидна связь этого летописания с владимирским княжеским двором и его интересами. Своеобразным исключением могут служить записи Лаврентьевской летописи за 6683—6685 гг. о борьбе за власть в Ростово-Суздальской земле после смерти Андрея Боголюбского. Составителем этих записей был клирик Успенского собора во Владимире, отстаивавший интересы владимирцев. При включении в великокняжескую летопись текст был отредактирован⁵.

В Ипатьевской летописи описание событий, происходивших в Киевской и других землях, обрывается на известиях самого конца XII в. Анализ последних статей повествования дал исследователям основание утверждать, что они были составлены при дворе киевского князя Рюрика Ростиславича при участии монахов Выдубицкого монастыря, родовой обители потомков Всеволода Ярославича. Летописные известия, содержащие благожелательные для Рюрика известия, встречаются в тексте Ипатьевской летописи с начала 70-х гг., когда он еще не занимал киевский стол. Очевидно, что при дворе Рюрика производилось редактирование предшествующего летописного материала. Использование в этой части летописного повествования обширных записей, почерпнутых из владимирской летописи, позволяет предположить, что в повествовании Ипатьевской летописи за вторую половину XII в. использовались летописные записи, сделанные в разных центрах Руси. Так, есть основания полагать, что черниговский источник, связанный с двором Святослава Ольговича, мог быть использован в тексте Киевского свода при описании событий второй

---

⁵ *Насонов А. Н.* История... С. 158 и след.

половины XII в. (к этому источнику относят, в частности, подробный рассказ о походе сына Святослава, Игоря, на половцев в 1185 г.), но нет возможности выделить его из общего повествования с помощью текстологических аргументов⁶.

Целый ряд исследователей, например, М. Д. Приселков, Б. А. Рыбаков⁷, полагали, что эти реальные и предполагаемые источники были объединены в одно повествование в Выдубицком монастыре, с которым связаны события, описанные в последних статьях киевской части Ипатьевской летописи. Но в предшествующем повествовании нить записей, связанных с этой обителью, не прослеживается, и это лишает выдвинутое предположение убедительности. По отношению к этой части Ипатьевской летописи также остается неясным, с какой общественной средой были связаны люди, делавшие летописные записи по заказу разных княжеских дворов.

Так как во владимиро-суздальском и южнорусском летописании неоднократно речь шла об одних и тех же событиях, тем самым открывается возможность сопоставить между собой их оценки в разных центрах Древней Руси. Вместе с тем общая характеристика рассматриваемых летописных текстов говорит о том, как сама княжеская власть смотрела на отношения между властью и обществом, чем о взглядах другой стороны.

В этом плане существенно отличается от повествования Лаврентьевской и Ипатьевской летописи повествование о событиях XII в. в тексте Новгородской I летописи. Убедительно показано, что это повествование представляет собой летопись, которая велась при новгородской владычной кафедре, записи делались духовными лицами по поручению архиерея. Имена некоторых из этих летописцев нам известны⁸. Так как новгородская владычная кафедра (особенно по-

---

⁶ О возможных источниках повествования Ипатьевской летописи о событиях второй половины XII в. см.: *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. Гл. II. С. 48 и след.

⁷ *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы... С. 60 и сл.; *Приселков М. Д.* История... С. 47.

⁸ См.: *Гиппиус А. А.* К характеристике новгородского владычного летописания XII—XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999.

сле 1157 г., когда епископов стали избирать на вече) была гораздо теснее связана с городской общиной Новгорода, закономерно искать в ней взгляды не княжеской власти, а сложно взаимодействовавшего с этой властью местного общества, сопоставлять содержащиеся в ней оценки событий с оценками тех же событий в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях.

Помимо отмеченной выше направленности основных источников, которая заметно ограничивает возможности исследователя, следует отметить еще одну важную особенность всех трех повествований, которая создает для него дополнительные трудности. Печерские старцы, создатели летописных сводов конца XI — начала XII вв., постоянно открыто выражали свое отношение к событиям, которые они описывали, порицая одно или одобряя другое, что открывает возможности для реконструкции их взглядов. Что касается летописных известий более позднего времени, то в них количество оценочных суждений заметно уменьшается, и об отношении летописца к событиям часто приходится судить лишь по подбору фактов. Кроме того, и те суждения, которые в тексте все же присутствуют, касаются прежде всего отношений между членами княжеского рода, а не между правителями и их подданными, да и в этом случае трудно определить, исходят эти оценки от представителя каких-то общественных кругов — летописца или же от князя — соперника (или союзника) главного героя повествования. В таких условиях возможным путем для реконструкции общественных представлений становится наблюдение над самим характером описания летописцами тех или иных общественных ситуаций, описываются ли они без комментариев, как нечто привычное, или воспринимаются как нечто необычное, вызывающее удивление.

По сравнению с летописями другие источники имеют для освещения данной темы гораздо меньшее значение. Среди них следует особо выделить «Слово» Даниила Заточника. Хотя этот памятник сохранился лишь в списках XVII в., по общему мнению исследователей это произведение было создано еще в домонгольской Руси и в более раннее время, чем «Моление», которое также связывается с именем Даниила Заточника. Мнения исследователей о том, кто был автор этого текста по своему общественному положению, расходят-

ся. Ясно, однако, из самого содержания «Слова», что автор не принадлежал к общественным верхам, он лишь рассчитывал попасть в эту среду. Представляется важным соотнести содержащиеся в этом произведении высказывания о том, каким должен быть хороший правитель, как должны складываться его отношения с дружиной и подданными, с теми высказываниями, которые могут быть обнаружены в летописях.

Такие важные литературные памятники XII в., как «Слово о князях», «Слово о гибели Русской земли» и, наконец, «Слово о полку Игореве», могут быть использованы при выяснении вопроса о том, как смотрело общество на обязанность власти защищать страну от внешнего врага.

И. У. Будовниц для исследования взглядов общества на отношения дружинников и князя привлек такие произведения, как «Слово о князях» и «Слово о храбросте», приведенные в сборнике XIV в. «Златая чепь»⁹, однако, как выяснил уже митр. Макарий (Булгаков), эти тексты принадлежат перу епископа Матфея Сарайского, действовавшего в середине XIV в.¹⁰

Рассмотрение представлений о власти и обществе и их взаимоотношениях в Древней Руси следует начать с вопроса о том, какой образ хорошего правителя предлагали читателю летописцы, какие достоинства выдвигаются на первый план в похвальных характеристиках умерших князей. Это прежде всего достоинства храброго воина и умелого военачальника. Так, о князе Мстиславе Ростиславиче летописец сообщает, что он «дерзость подаваше воемь своим и тако от всего сердца бяшеться за отчиноу свою»¹¹. О переяславском князе Владимире Глебовиче также сообщается, что он «бе моужь бодр и дерзок, и крепок на рати, всегда бо тосняся на добра дела»¹². «Добрые дела» здесь явно ассоциируются с военными подвигами. Для Дании-

---

⁹ Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XV вв.). М., 1960. С. 145—146, 192.

¹⁰ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. III. М., 1995. С. 258—261, 544.

¹¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. II. М., 1962. Стб. 611.

¹² Там же. Стб. 652.

ла Заточника князь также прежде всего военачальник, от действий которого зависит успех войска¹³.

Наиболее ярко черты такого образа выступают в обширном повествовании киевского летописца о Изяславе Мстиславиче, который выступает в нем и как главный, и как идеальный герой повествования. Как и следует ожидать по самому характеру летописного повествования, князь выступает в нем прежде всего как воин и военачальник, который «бе... храбр и крепок на рать»¹⁴. Эта общая оценка конкретизируется в ряде рассказов о его военных подвигах и одержанных им победах. Оценка каких-либо иных достоинств правителя в повествовании не обнаруживается. Летописец, правда, отмечает привязанность дружинников к Изяславу¹⁵, расположение к нему «киян»¹⁶, его умение жить в ладу с другими членами княжеского рода. Как правитель, завоевавший расположение «киян» и умеющий жить в ладу с родичами, Изяслав явно противопоставляется летописцем его главному сопернику — Юрию Долгорукому¹⁷. Однако из повествования совсем не ясно, благодаря каким качествам он добился этого. Летописец, например, ни разу не называет своего героя справедливым. Характерной чертой такого идеального героя является его забота о своей чести. Д. С. Лихачев справедливо обратил внимание на то, что забота о своей чести — характерная черта изображения князей в источниках XII—XIII вв.¹⁸ Но с особой силой эта забота проявляется в поведении такого идеального героя, как Изяслав Мстиславич.

Вопросу о том, в чем заключалась это честь и как проявлялась забота о ней, следует уделить особое внимание не только потому, что это важно для понимания того, каким представлялся древнерусскому обществу идеальный правитель, но и потому, что этому понятию

---

¹³ «Видех велик зверь, а главы не имеа. Тако и многи полки без добра князя» // Библиотека литературы Древней Руси. Кн. 4. СПб., 1997. С. 276.

¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 336.

¹⁵ Там же. Стб. 412.

¹⁶ Там же. Стб. 409, 416, 433—434.

¹⁷ Там же. Стб. 383, 393—395.

¹⁸ *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 117—118.

принадлежало важное место в представлениях о взаимоотношениях подданных и князя.

В недавнее время понятию чести в древнерусских текстах домонгольского времени посвятил специальное исследование П. С. Стефанович¹⁹. Следует согласиться с исследователем, что честь тесно связана с общественным положением человека, обозначает то, что вызывает или поддерживает уважение к нему со стороны других людей, уважение, соответствующее его социальному статусу²⁰. Это уважение поддерживается поступками, соответствующими правилам поведения обладателя данного статуса. Исследователь справедливо подчеркивает связь в древнерусских текстах между честью и славой. Слава — это как бы общественное признание того, что данное лицо обладает честью²¹. П. С. Стефанович справедливо отмечает, что в киевском летописании XII в. как противоположное понятию чести выступает понятие «сором». «Сором» постигает человека, если он совершает поступки, не соответствующие правилам поведения носителей соответствующего статуса, или если с ним поступают не так, как следует поступать с носителями такого статуса²².

Исследователь указал и свидетельства, когда древнерусского князя мог постичь «сором». Таких ситуаций в киевском летописании можно отметить две. Первая — это, когда князя сгоняют со своего стола, и он покидает город «с великим соромом»²³. Как носитель княжеского сана должен реагировать на такие факты, показывает известие об аресте и изгнании князя Ростислава, сына Юрия Долгорукого, лишённого и своего стола и своей дружины. В уста Юрия Долгорукого летописец вкладывает слова: «любо сором слою...

---

¹⁹ Стефанович П. С. Древнерусское понятие «чести» по памятникам литературы домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. Июнь.

²⁰ Стефанович П. С. Древнерусское понятие «чести»... С. 66—67.

²¹ Там же. С. 68—69.

²² Там же. С. 78—79.

²³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 399. Когда изгнанного таким образом князя его племянник вернул на княжеский стол, то тем самым он на него «честь возложил» (Там же. Стб. 418—419).